ORIENTALIA
ET CLASSICA

National Research University
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
INSTITUTE FOR ORIENTAL AND CLASSICAL STUDIES

ORIENTALIA
ET CLASSICA
XII (LXXXIII)

HISTORY AND CULTURE OF JAPAN

19th – 20th Centuries: New Studies of Russian Scholars

Higher School of Economics
Publishing House
MOSCOW 2025

Национальный исследовательский университет
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
ИНСТИТУТ КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ

ORIENTALIA
ET CLASSICA
XII (LXXXIII)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЯПОНИИ

XIX–XX века: новые исследования российских ученых

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА 2025

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)-7я43
И90

https://elibrary.ru/djvhqe

Orientalia et Classica
XII (LXXXIII)

Серия основана в 2001 г. С 2020 г. издается НИУ ВШЭ

Главный редактор серии — *И.С. Смирнов*

Редакционная коллегия серии:

Д.В. Волков (ИКВИА НИУ ВШЭ), *А.Н. Мещеряков* (ИКВИА НИУ ВШЭ),
А.Г. Сторожук (Востфак СПбГУ), *Н.В. Козлова* (Государственный Эрмитаж),
А.И. Иванчик (ИКВИА НИУ ВШЭ/Univ. of Bordeaux, France),
М.А. Алонцев, ответственный секретарь (ИКВИА НИУ ВШЭ),
И.С. Архипов (ИКВИА НИУ ВШЭ), *И.С. Смирнов*, председатель (ИКВИА НИУ ВШЭ),
Л.Е. Коган (ИКВИА НИУ ВШЭ)

Составитель и ответственный редактор выпуска — *А.Н. Мещеряков*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент *Е.Б. Сахарова*;
канд. ист. наук, доцент *С.В. Гришачев*

И90 **История и культура Японии.** XIX–XX века: новые исследования российских ученых [Текст] / под науч. ред. Н. Н. Трубниковой, М. С. Коляды ; сост. и отв. ред. А. Н. Мещеряков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока и античности. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 440 с. — (Orientalia et Classica. XII (LXXXIII) / гл. ред. И. С. Смирнов). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4118-0 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4245-3 (e-book).

В 17-й выпуск «Истории и культуры Японии» вошли работы ведущих современных российских японоведов и молодых ученых по истории и культуре Японии от середины XIX в. до наших дней. Научному сообществу представляются новые материалы из российских и зарубежных архивов, переводы источников, исследования ряда памятников японской философской мысли, литературы, искусства. На нескольких примерах рассмотрены связи японской культуры с культурами нашей страны, стран Азии, Европы и США.

Для всех, кто интересуется историей и культурой Японии.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)-7я43

На обложке — каллиграфия *А.П. Беляева*

На форзацах воспроизведен фрагмент традиционной японской декоративной бумаги (XVIII в.), любезно предоставленной *Е.М. Дьяконовой*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
http://id.hse.ru

doi:10.17323/978-5-7598-4118-0

ISBN 978-5-7598-4118-0 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4245-3 (e-book)

© Авторы, 2025
© Составление. Мещеряков А.Н., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 8

Часть I. Архивные материалы

Глава 1. Таланты, мученики, визионеры — ученые прошлого о японской древности (*Л.М. Ермакова*) 19

Норито (*пер. М.П. Григорьева (1931 г.), публ. и примеч. Л.М. Ермаковой*) 30

Глава 2. Усиление японского влияния в северной Маньчжурии в 1916–1917 гг. (по материалам АВПРИ) (*Е.И. Нестерова*) 36

Глава 3. Начало японской интервенции на Дальнем Востоке России и противоречия между участниками Антанты в свете документов дипломатической переписки США (*С.А. Горбылёв*) 50

Глава 4. Режим пребывания советских дипломатов в Японии во второй половине 1938–1939 гг. (*И.А. Дегтев*) 60

Часть II. Философская мысль

Глава 5. Фукудзава Юкити и его «Моральный кодекс» (*А.Н. Мещеряков*) 71

Глава 6. Эволюция идей сопротивления в текстах Утиямы Гудо: (1874–1911) (*М.Р. Бушуева*) 83

Утияма Гудо:. Пробуждение в повседневной жизни (*пер. М.Р. Бушуевой*) 91

Глава 7. Концепция «Царства Божьего» в понимании японских христиан (*А.Д. Бертова*) 100

Часть III. Литература

Глава 8. Издания современной художественной прозы в период Мэйдзи: Таяма Катай о публикации своих произведений (по воспоминаниям «Тридцать лет в Токио», 1917 г.) (*М.В. Торопыгина*) 115

Глава 9. Повесть «Мудрец с горы Ко:я» Идзуми Кё:ка — сюжет и стиль (*М.В. Шах*) 130

Идзуми Кё:ка. Мудрец с горы Ко:я (*пер. М.В. Шах*) 143

Глава 10. Литературный процесс в послевоенной Японии: механизмы цензуры и самоцензуры (*С.А. Родин*) 188

Часть IV. Искусство

Глава 11. Первый военный марш современной Японии «*Мия-сан, Мия-сан*»: контекст возникновения и отсылки к событиям (*Д.Д. Романчев*) 207

Глава 12. Фотографическая серия «Великое землетрясение Но:би» из «Альбома Кусакабэ Кимбэя (6)»: художественные особенности и параллели с японскими гравюрами XIX в. (*И.А. Леонов*) 222

Глава 13. Страсти вокруг «Орхидеевой беседки» (*А.П. Беляев*) 233

Глава 14. «Сюккэйэн» — японский сад с китайским акцентом (*С.А. Толстогузов*) 246

Часть V.
Японская культура в мировом контексте

Глава 15. Накао Тодзан и первое турне японских музыкантов в России в 1915 г.: попытка осмысления (*Н.Ф. Клобукова* (*Голубинская*)) 259

Глава 16. Влияние классического японского театра Но: на искания западной режиссуры и исполнительского искусства (*М.В. Гришин*) 269

Глава 17. Симона де Бовуар в Японии: описания путешествия 1966 г. в разных источниках (*О.И. Лебедева*) 283

Глава 18. Утрата музыкальной традиции — утрата сегмента духовной культуры. К истории японского монохорда (*М.В. Есипова*) 295

Глава 19. «Неяпонская Япония»: плюсы и минусы политики по развитию туризма и студенческих миграций (*П.Э. Подалко*) 312

Часть VI. Японоведческие миниатюры

Взгляды О:мура Масудзиро: и О:кубо Тосимити на формирование вооруженных сил Японии в начале периода Мэйдзи (*С.С. Наумов*) 327

Дети играют в войну: конструирование детских образов на японских политических открытках 1900-х годов (*М.Ю. Бочарова*) 331

Политика японской колониальной администрации в Корее в социально-экономической сфере (*Л.В. Овчинникова*) 337

Воюю, следовательно существую. Эстетические проблемы японской кинопропаганды 1938–1945 годов (*А.Ю. Гвоздев*) 343

Рецепция «Медного Всадника» А.С. Пушкина
в исследованиях Сугино Юри (*М.С. Болошина*) 351
Чай, воплощенный в поэзии — сборник «*Рикю: хякусю*»
(*А.В. Кудряшова*) 357
Заключение 362
Приложение I. Светлой памяти Вадима Юрьевича Климова
(1949–2024) (*В.В. Щепкин*) 366
Библиография работ В.Ю. Климова 1984–2023 гг.
(*сост. В.В. Щепкин*) 370
Приложение II: *Ёмота Инухико*. Ицуки Хироюки и Россия
(*пер. А.П. Беляева*) 385
Литература 394
Указатель 411
Об авторах 416
Abstracts 419

ВВЕДЕНИЕ

Задача нашей книги — представить читателю современные исследования российских ученых по истории и культуре Японии, относящиеся к периоду становления и развития современного японского общества: начиная с середины XIX в. и завершая первыми двумя десятилетиями XXI в. Такие обобщающие коллективные монографии, на наш взгляд, могут служить важному делу: составлению целостной картины той работы, которая проделана и делается сейчас в нашей области науки. Помимо прочего, подобное обобщение — необходимый этап для подготовки нового многотомного труда по истории Японии, аналогичного, например, десятитомнику «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» (М.: Наука, 2013–2017), потребность в котором давно назрела. Разумеется, столь масштабная задача потребовала бы объединенных усилий японоведов всех отечественных исследовательских институтов и вузов. Замысел нашей книги, как и предшествовавших ей выпусков под заглавием «История и культура Японии» в серии "Orientalia et Classica", состоит в том, чтобы поддерживать общий язык российских японоведческих исследований, постоянно уточнять терминологию, обновлять критерии научной доказательности в нашей области, своевременно знакомить коллег с архивными изысканиями и переводами — не только уже завершенными, но и близкими к завершению. Такой формат наших книг отличается от формата, принятого, например, в научных журналах, где статья как правило излагает готовый итог работы; для нас важнее наблюдать за процессом исследований, по возможности его поддерживать, давать коллегам «обратную связь», а молодым японоведам — как можно более разнообразные примеры того, в каких направлениях сегодня движется наша наука.

Выбор хронологических рамок для нашей книги объясняется несколькими соображениями. Во-первых, начиная с периода Мэйдзи (1868–1912), когда Япония открывается внешнему миру, ее история неразрывно связана с историей нашей страны, а значит, работая с японскими источниками, мы в большинстве случаев прямо или косвенно отвечаем и на вопросы, значимые для истории России. Во-вторых, в отличие от более ранних памятников, японские источники XIX–XXI вв. — литературные, изобразительные и иные — традиционно привлекают внимание нашей аудитории, на них не проходит мода в хорошем смысле слова, а значит, их изучение представляет не только академический интерес. И в-третьих, с какими бы материалами мы ни работали и какие бы проблемы японской истории и культуры ни поднимали, нам постоянно приходится возвращаться к их переоткрытию во времена Мэйдзи, в пору становления японской науки современного типа, к дискуссиям вокруг них на протяжении XX в., к их обсуждению (или же забвению) в наши дни. Поэтому следить за тем, что нового становится известно об историко-культурной ситуации в Японии в указанные периоды, необходимо всем японоведам.

Среди авторов книги есть и ведущие российские специалисты, и начинающие, и сотрудники самых крупных российских университетов, и независимые исследователи. К сожалению, до сих пор немалый объем интересных и полезных работ, выполненных студентами в пору обучения, не попадает в поле зрения коллег. Мы по мере сил стараемся восполнять этот пробел. Как и статьи в выпусках «История и культура Японии» в прошлые годы, главы нашей книги в основном восходят к докладам на одноименной конференции, проводимой в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Пользуемся случаем поблагодарить организаторов, участников и гостей конференции.

План нашей книги, как нам видится, отражает структуру исследований по истории Японии и по японской культуре в настоящее время. Первая часть отведена архивным источникам, вторая — памятникам философской мысли, третья — литературным произведениям. И архивные штудии, и подробный разбор литературных и философских текстов традиционны для отечественного японоведения, и научные работы сопровождаются публикациями архивных материалов и переводов. В четвертой части рассмотрено несколько важных эпизодов из истории восприятия таких явлений японской культуры, как военная песня, каллиграфия, садовое искусство и фотография; все эти явления с трудом вписываются в рамки изучения, разработанные применительно к западным культурам. В пятую часть вошли исследования культурных контактов в области литературы, музыки и театра: Япония в этих контактах выступает как в роли принимающей стороны, так и принимаемой, а порой активно отвергающей и отвергаемой.

Наконец, в шестой части помещены материалы «с рабочего стола» исследователей. В каждом из них либо кратко обсуждается одна из проблем, либо опять-таки предельно кратко представляется один из источников. Надеемся, что читатели вместе с нами будут ждать выхода больших авторских исследований, в которых займут свое место эти японоведческие миниатюры.

Тема всей нашей книги — продолжающиеся дискуссии о месте Японии в мире, о политическом устройстве страны, о том, чем японское общество и каждый житель страны могут и должны ответить на вызовы современности, о том, какие достижения своей культуры японцы готовы представить миру и какой отклик хотели бы получить. Так или иначе все эти споры берут начало в периоде Мэйдзи, и все они пока далеки от каких-либо однозначных решений.

Ниже мы постараемся кратко охарактеризовать исследования, вошедшие в книгу.

Часть I построена на материалах из японских, российских и американских архивов.

В главе 1 *Л.М. Ермакова* возвращается к ранней истории японоведения в России. Интерес к Древней Японии во многом пересекался с возросшим в мировой науке рубежа XIX–XX вв. интересом к архаике вообще, к мифологии неевропейских народов. Сравнивая работы Г.А. Де-Воллана (1906 г.), С.Г. Елисеева (1920 г.), Н.П. Мацокина (1921 г.), Н.И. Конрада и его коллег (1927 г.), А.Е. Глускиной (1931 г.), А.А. Вановского (1934 г.), Н.А. Невского (1935 г.), Л.М. Ермакова

показывает и многообразие подходов к изучению японской мифологии в ее связи с ритуалом, и в то же время единство поисков, которые вели японоведы в дореволюционной России, затем в Советской России, в СССР и в эмиграции. Глава включает в себя публикацию первого русского перевода текстов молитвословий *норито*[1]. До сих пор считалось, что этот перевод, выполненный М.П. Григорьевым в 1931 г., сохранился лишь в кратких выдержках в работе Вановского. Но в 2024 г. полный текст трех *норито* в переводе Григорьева с пометками Вановского удалось найти и подготовить к публикации, дополнив копию из архива О.В. Плетнера (Кобэ) рукописью из архива Вановского (Токио).

В главе 2 *Е.И. Нестерова* рассматривает материалы Архива внешней политики Российской империи, относящиеся к событиям 1916–1917 гг. в Манчжурии[2]: это сообщения российских дипломатов, в том числе обширная аналитическая записка Г.И. Доли «Деятельность японцев в Южной Маньчжурии» (1916 г.). Документы касаются численности японского населения в Манчжурии, его профессионального состава, торговой, банковской и иной деятельности японцев, распространения японских газет и организации прояпонских сообществ в среде местных жителей, а также планов создания в Южной Манчжурии нового государства, лишь условно независимого от Японии. Интересны не только факты, приводимые в подборке документов, но и то, как постепенно меняется у российских дипломатов понимание действий японской стороны, как из разрозненных сообщений возникает картина нарастающей японской экспансии.

Глава 3 продолжает темы предыдущей, но уже на основе других архивных материалов: дипломатической переписки США 1917–1918 гг. вокруг вопроса о японской интервенции на российский Дальний Восток. *С.А. Горбылёв* показывает, как в этих документах обсуждаются судьба военных грузов, доставленных из Японии во Владивосток, после выхода России из Первой мировой войны, а также антияпонские (и предположительно пробольшевистские) сообщества корейцев, в чьих руках эти грузы могут оказаться. Другой вопрос, который ставится в связи с интервенцией, касается контроля над Транссибирской магистралью. Подборка документов показывает разногласия между державами Антанты относительно сроков, масштабов и целей интервенции.

Глава 4 снова обращается к отечественным документам, на сей раз уже из Архива внешней политики Российской Федерации. *И.А. Дегтев* рассматривает донесения 1938–1939 гг. о том, как сотрудникам полпредства СССР в Токио приходилось работать в условиях жесткого полицейского надзора и провокаций — и как обстановка стала гораздо более благоприятной после подписания протокола о продлении рыболовной конвенции 1928 г. весной 1939 г., перемирия в боевых действиях на р. Халхин-Гол и заключения советско-германского пакта о ненападении в конце лета того же года. Особое внимание уделено приезду нового полпреда СССР К.А. Сметанина в Японию осенью 1939 г., обсто-

---

[1] Тексты *норито* из свода «*Энгисики*» в переводах Л.М. Ермаковой см.: [Норито…, 1991].

[2] Документы из того же архива, относящиеся к предшествующим событиям, рассмотрены в статье [Нестерова, 2024].

ятельствам его почетной встречи и слухам о скорой нормализации советско-японских отношений, сопровождавшим его прибытие.

Часть II рассматривает несколько текстов, важных для истории японской общественной мысли XIX–XX вв.

В главе 5 *А.Н. Мещеряков* ведет речь о наследии Фукудзавы Юкити — мыслителя, который во многом определил облик всей эпохи Мэйдзи, особенно для наших дней; современники его далеко не во всем понимали и принимали. «Моральный кодекс» («*Сю:син ё:рё:*», 1900 г.), составленный учениками и единомышленниками Фукудзавы и утвержденный им незадолго до смерти, формулирует основные положения его учения: каким должен быть человек, как отстаивать свои «независимость и самоуважение», какие цели ставить в жизни, как изживать устаревшие обыкновения и отзываться на требования новой эпохи, как строить отношения с другими людьми в семье, в обществе и государстве. Прослеживая судьбу «Морального кодекса» в Японии XX в., А.Н. Мещеряков показывает, что этот текст никогда не был по-настоящему востребован, и причины, по которым он снова и снова оказывался не ко двору, красноречиво говорят о сменявших одна другую идеологических установках.

К концу периода Мэйдзи относится материал главы 6. В ней сопоставляются две работы Утиямы Гудо: — японского анархиста, несшего сан буддийского монаха. *М.Р. Бушуева*, прослеживая его биографию, показывает, как западные идеи сочетались у него с главными в его понимании положениями буддизма. В первой из работ, манифесте «Анархо-коммунистическая революция. Посвящается заключенным» («*Ню:гоку кинэн мусэйфу кё:сан какумэй*», 1908 г.), звучат призывы к бунту, отрицание любых идеологий, порабощающих человека; освобождение понимается самым радикальным образом. Вторая работа, написанная уже в тюрьме, «Пробуждение в повседневной жизни» («*Хэйбон но дзикаку*»», 1910–1911 гг.), показывает, что в учении Будды Утияма находил руководство к внутреннему освобождению человека. В главу включен перевод «Пробуждения в повседневной жизни», выполненный М.Р. Бушуевой.

Как показано в главе 7, в споры конца XIX — начала XX в. о задачах религиозных общин в японском государстве, о месте религии в жизни японского общества были вовлечены и христиане — и занимали порой прямо противоположные позиции. *А.Д. Бертова* сопоставляет учения нескольких христианских авторов, выделяя в них разные трактовки понятия «Царства Божьего»: если Эбина Дандзё: мыслит «Царство Божье» как Японию, несущую свои моральные принципы всему миру, в том числе военным путем, то Кагава Тоёхико видит путь к «Царству Божьему» в переустройстве жизни внутри страны на началах любви к ближнему; Янайхара Тадао, будучи противником военной экспансии, понимает «Царство Божье» как осуществление на земле божественного замысла, создание новой системы отношений между людьми, где основу составляет справедливость, а Накада Дзюдзи прочитывает сказанное в Библии об Израиле как относящееся к Японии и на этом строит учение о миссии японского народа. В итоге в первой половине XX в. большее влияние получают те версии христианского учения, которые оправдывают и поддерживают захватнические войны Японии.

Часть III объединяет источники, с разных сторон показывающие изменения, произошедшие в японской литературе в XIX–XX вв.

В главе 8 рассмотрена одна из важных составляющих культуры периода Мэйдзи: литературные журналы, в которых печатались тогдашние «властители дум», возникали и исчезали литературные направления. *М.В. Торопыгина* исследует жизнь литературных кругов 1890–1900-х годов, опираясь на книгу воспоминаний «Тридцать лет в Токио» («*То:кё:-но сандзю:нэн*», 1917 г.), где писатель Таяма Катай рассказывает о временах своей молодости, об условиях публикации художественных произведений, подходах к их редактуре, о том, как авторы зависели от издателей. Таяма обсуждает деятельность литературных сообществ, в которые входил, взаимоотношения между начинающими и уже влиятельными литераторами. Из журналов и издательств, с которыми Таяма сотрудничал, многие не пережили своей эпохи, но другие оставались влиятельными еще долгие десятилетия.

В главе 9 *М.В. Шах* представляет читателям творчество японского писателя периода Мэйдзи Идзуми Кё:ка, чьи рассказы и повести до сих пор на русский язык почти не переводились. Будучи современником тех событий, о которых идет речь в предыдущей главе, Кё:ка участвовал в них сравнительно мало, и тем не менее его влияние на японскую литературу ощущается до наших дней. Повесть Кё:ка «Мудрец с горы Ко:я» («*Ко:я хидзири*», 1900 г.) продолжает традиции японской словесности предшествующих веков, и в то же время по ней можно проследить некоторые новации, затронувшие и язык, и стиль художественной прозы к рубежу XIX–XX вв. В этой главе помещен перевод повести, выполненный М.В. Шах.

Последствия поражения Японии во Второй мировой войне и новые преобразования государства и общества исследуются в главе 10 на материале дискуссий вокруг свободы слова. *С.А. Родин* рассматривает директивы Штаба оккупационных сил 1945 г. о деятельности прессы и реакцию на эти директивы литературного сообщества, а затем исследует несколько конфликтов, в центре которых оказывались ученые, литераторы и издатели литературных произведений. Это скандал вокруг публикации японского перевода романа Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» в 1950 г.; споры о введении в школьную программу уроков «морального воспитания» в 1958 г.; инцидент 1961 г., когда активист ультраправой организации совершил вооруженное нападение на дом главного редактора издательства «Тю:о:ко:рон» и действия свои объяснил как месть за оскорбление императорского рода; громкий судебный процесс того же 1961 г. о нарушении неприкосновенности частной жизни, где ответчиком выступал писатель Мисима Юкио. Хотя цензура и запрещалась послевоенной японской конституцией, преследования авторов и издателей могли иметь вид юридический (с опорой на законодательные нормы, которые удавалось обратить против неугодных произведений), а в других случаях в ход шла самоцензура, отказ от выпуска текстов, которые могли быть поняты нежелательным образом.

Часть IV отведена источникам, жанровая принадлежность которых неоднозначна, и темам, разрабатываемым на стыке нескольких японоведческих дисциплин.

Материал главы 11 относится к самому началу периода Мэйдзи. В это время появляется одна из самых известных сегодня японских музыкальных композиций, связанных с эпохой перемен: марш «*Мия-сан, Мия-сан*». *Д.Д. Романчев* прослеживает контекст его появления в пору войны Босин (1868–1869 гг.), разбирает вопрос о предполагаемых авторах текста и музыки, приводит свидетельства о бытовании марша в конце XIX в. и позднее вплоть до наших дней. Также в этой главе дается перевод текста марша: его трудно рассматривать как памятник японской поэзии в собственном смысле слова, но как документ своего времени он, безусловно, интересен. Особое внимание в комментарии к переводу уделено тому, как в тексте выстроены образы «своих» и «врагов».

В главе 12 исследуется серия фотографий «Великое землетрясение Но:би» Кусакабэ Кимбэя, запечатлевшая природное бедствие 1891 г. *И.А. Леонов* показывает, что эти снимки не только документируют события, но и решают ряд художественных задач. Композиция снимков и особенности трактовки пейзажа в них отсылают к гравюрам знаменитых мастеров XIX в., обретших популярность на Западе, — Хокусая и Хиросигэ. При этом парадоксальным образом виды разрушенных поселений показаны до некоторой степени идиллическими, в духе коммерческой фотографии мастерских Иокогамы, работавших прежде всего для туристов. Гравюры мастеров 1890-х годов, посвященные тому же землетрясению, выглядят существенно иначе, в них выделяется мотив разрушения зданий, мостов и иных сооружений новейшей эпохи.

Главу 13 можно было бы отнести к истории японской каллиграфии, однако исследование *А.П. Беляева* выходит далеко за рамки этой дисциплины. Речь идет о судьбе китайского памятника IV в. н.э. «Предисловие к собранию стихотворений, написанных в Орхидеевой беседке» («*Ланьтинсюй*») в японской и китайской каллиграфических традициях XX в., о наследии каллиграфа IV в. Ван Си-чжи в Японии. А.П. Беляев прослеживает связи между каллиграфией и идеологией, говорит о «традиционалистах» и «новаторах» в области письма, о том, как предпочтения одного из направлений — «школы стел» или «школы прописей» — соотносились с эстетическими и политическими взглядами мастеров, как шло взаимовлияние между японскими и китайскими каллиграфическими сообществами.

К проблеме сохранения культурного наследия в Японии российские авторы обращаются постоянно: японский опыт в этой области, как положительный, так и отрицательный, весьма поучителен. В главе 14 *С.А. Толстогузов* подробно разбирает историю сада «Сюккэйэн» в Хиросиме, почти уничтоженного атомной бомбардировкой в 1945 г. и затем реконструированного в 1950–1960-х годах. Для этого памятника садового искусства был и остается нерешенным вопрос: как сохранить и как представить современному посетителю все пласты его истории. В 2020-х годах предстоит новый этап воссоздания «Сюккэйэн», и в связи с ним заново обсуждаются место сада в целостном образе города Хиросимы и сам этот образ, история создания и переустройства сада, вопросы изучения поэтических и прозаических текстов, соотносимых с ним, «японская» и «китайская» составляющие его композиции, а также связь судьбы «Сюккэй-

эн» с событиями периода Мэйдзи, когда впервые была предпринята попытка создания музея в этом саду.

Часть V объединяет исследования по истории культурных контактов Японии с внешним миром.

В главе 15 рассмотрена история гастролей японских музыкантов Накао Тодзана и супругов Ёнэкава в России в 1915 г. *Н.Ф. Клобукова (Голубинская)* исследует замысел выступлений японских мастеров игры на флейте *сякухати* и цитре *кото* в российских госпиталях перед ранеными, обстоятельства поездки Накао и его спутников через всю страну от Владивостока до Петрограда, участие японских дипломатов в организации выступлений; обсуждает отклики российской прессы и воспоминания самих участников гастролей. Также Н.Ф. Клобукова (Голубинская) обосновывает предположение о незаявленной коммерческой цели гастролей и помещает их в контекст российско-японских отношений периода Первой мировой войны.

В главе 16 речь идет о восприятии театра Но: на Западе на более продолжительном временном отрезке — с 1920-х по 1960-е годы *М.В. Гришин* приводит свидетельства режиссеров и драматургов, изучавших театр Но: и пытавшихся перенести его практики на западную сцену: Ж. Копо, С. Бинг, П. Клоделя, Ж.-Л. Барро, Э. Барба и др. Также в этой главе рассмотрен опыт постановки драмы Но: в американском Институте передовых исследований театра в 1960-х. Западных театральных деятелей в Но: привлекала прежде всего актерская техника и связанное с нею особое воспитание и самовоспитание актера, затем — отношения между исполнителем и маской, особый ритм сценического действа, способы выражения «невысказанного», *ю:гэн*. Влияние Но:, как и других незападных театральных жанров, во многом определило художественные искания европейского и американского театрального авангарда в XX в.

Глава 17 сопоставляет французские и японские источники, связанные с поездкой по Японии в 1966 г. С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра. *О.И. Лебедева* показывает принципиальное расхождение между двумя текстами об этой поездке: Бовуар описывает японский опыт с собственной философской и писательской точки зрения, не смягчая оценок, тогда как переводчица Асабуки Томико рисует образ путешествия французских интеллектуалов таким, каким он должен быть исходя из ее понимания задачи сближения культур Франции и Японии. В итоге для Бовуар оказываются видны и важны приметы неизжитого наследия прошлого в области семейных отношений и особенно прав женщин, экономические трудности, а в воспоминаниях Асабуки Япония имеет образцовый «туристический» вид, а сама Бовуар предстает как благовоспитанная европейская дама, готовая хвалить все местные красоты.

Материал главы 18 гораздо обширнее по сравнению со всеми предыдущими главами. *М.В. Есипова* исследует одну из почти не изученных музыкальных традиций Японии — традицию монохорда *итигэнкин*. В главу вошли сравнение различных вариантов монохорда Южной и Юго-Восточной Азии, реконструкция истории японского монохорда, обзор основных школ игры на этом инструменте. М.В. Есипова обосновывает связь исполнительской традиции *итигэнкин* с музыкальными, литературными, философскими традициями Китая и

Японии, исследует изображения мифологических и легендарных персонажей с этим инструментом. Затем обсуждаются современное состояние традиции *итигэнкин* и причины ее модификации и угасания.

Глава 19 показывает, какие дискуссии в японской печати идут в наши дни. *П.Э. Подалко* рассматривает один из примеров, снова относящийся к открытости страны внешнему миру. На сей раз споры ведутся о привлечении в Японию иностранных туристов, студентов, работников для тех отраслей, где острее всего дефицит кадров. Обсуждаются правительственные меры в области поддержки туризма и образования, демографические проблемы Японии, вопросы возможности и желательности интеграции иностранцев, их приобщения к японской культуре на разных уровнях. К какому-либо практическому итогу эта полемика пока не пришла, но для исследователей японской культуры она интересна с той точки зрения, какие составляющие образа жизни японцев считаются наиболее «японскими», не поддающимися размыванию в эпоху глобализации.

Часть VI содержит подборку «японоведческих миниатюр»: здесь мы не делим текст на главы, но располагаем исследования в хронологическом порядке.

С.С. Наумов сопоставляет взгляды двух реформаторов начала периода Мэйдзи на то, какой должна быть армия Японии: призывной по европейскому образцу, как предлагал О:мура Масудзиро: (1824–1869), или, как считал О:кубо Тосимити (1830–1878), собранной путем передачи под командование императора отрядов прежних *даймё:*. Спорным был также вопрос, какой модели придерживаться при модернизации армии: французской или британской.

М.Ю. Бочарова обсуждает пропагандистские открытки конца эпохи Мэйдзи с изображениями детей. Их сюжеты — проводы солдат на войну, семья как «крепкий тыл», но также и горе сирот; новое поколение японцев, воспитываемых в милитаристском ключе. Детские образы задействуются и для прославления альянсов между державами, в частности, между Японией и Великобританией.

Л.В. Овчинникова критически рассматривает различные оценки деятельности японской колониальной администрации в Корее в 1910–1945 гг. и показывает, что работы, в которых обсуждаются лишь эксплуатация Кореи метрополией, повлекшая огромные жертвы, оставляют вне поля исследования ход постепенной модернизации Кореи в указанный период: создание современной промышленности, транспорта, системы образования и др.

А.Ю. Гвоздев исследует японские пропагандистские кинокартины, снятые «в рамках национальной политики» в 1938–1945 гг., *кокусаку эйга*, сравнивая их с аналогичными кинофильмами других стран времен Второй мировой войны. Автор показывает, как в *кокусаку-эйга* при отсутствии видимого образа «врага» боевые действия встраиваются в размеренных ход повседневной жизни, проводится установка на единство Японии и завоеванных стран, конструируется идеализированный образ военного, мало общего имевший с действительностью.

М.С. Болошина сравнивает трактовки поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» в российской пушкинистике и в работах японской исследовательницы

Сугино Юри, показывая, как Сугино применяет к пушкинскому тексту метод «сингулярного анализа», раскрывающий свойства целого через свойства одной особенно значимой части, в данном случае образа «зверя». Этот подход в сочетании с выявлением «минус-приема» (по Ю.М. Лотману), позволяет обнаружить в поэме и исторические, и литературные отсылки, обычно не обсуждаемые в работах российских пушкинистов.

А.В. Кудряшова обращается к традиции японского чайного действа и рассматривает сборник стихотворений, выражающих основы «Пути Чая». Связываемый с традицией, восходящей к Сэн-но Рикю: (1522–1591), этот сборник, составленный в XIX в., играет важную роль в современном обучении чайной церемонии.

В приложениях к книге мы помещаем два материала, не входящих в состав собственно исследования, но близко связанных с ним. В память о нашем коллеге Вадиме Юрьевиче Климове (1949–2024), постоянном участнике конференций и авторского коллектива книг «История и культура Японии», мы помещаем воспоминания его ученика В.В. Щепкина, а также библиографию работ В.Ю. Климова. Эссе профессора Ёмота Инухико дополняет книгу обсуждением явления, симметричного нашей отечественной моде на «японское» во второй половине XX в., — японской тогдашней моды на «русское/советское» и ее отражения в литературе.

ЧАСТЬ I
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава 1
Таланты, мученики, визионеры — ученые прошлого о японской древности

Л.М. Ермакова

Исследование посвящено работам, относящимся к начальному периоду профессионального российского востоковедения, включая исследования и переводы как российских/советских ученых, так и российских японоведов-эмигрантов, печатавшихся в Японии и в Европе. Самые ранние сведения о древней японской словесности можно найти в российских литературных памятниках начиная с рукописных источников XVII в., а с конца XVIII в. в России уже печатаются извлечения из японских летописей VIII в. «*Кодзики*» и «*Нихон сёки*», переведенные на русский язык с западных переводов, тогда еще тоже фрагментарных. Профессиональное изучение японской литературы, древней, классической и современной, — то есть изучение по оригиналам, а не через язык-посредник, — практически начинается в России с началом XX в. Дан краткий аналитический обзор нескольких основных работ о японской древности от Г. Де-Воллана (1906 г.) до Н.А. Невского (1935 г.). Кроме того, впервые представлены переводы трех молитвословий *норито* из «*Энгисики*», выполненные М.П. Григорьевым в 1931 г. Эти рукописи были обнаружены автором в японских архивах японоведа Ореста Плетнера и философа Александра Вановского, они представляют собой первый русский перевод *норито*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: японская древность, Г.А. Де-Воллан, Н.П. Мацокин, А.Е. Глускина, Н.И. Конрад, А.А. Вановский, М.П. Григорьев, Н.А. Невский.

В настоящей работе речь пойдет о наших предшественниках, занимавшихся древним периодом истории Японии и занявших важное место в истории востоковедения. И прежде всего мы собираемся говорить не о них самих и не об их судьбах, а об их теориях и концепциях, хотя невозможно будет совсем обойтись без упоминания фактов их биографий, вписанных в драматические этапы отечественной истории. Разумеется, невозможно будет сказать обо всех, поэтому прежде всего скажем о тех, кто к нынешнему времени оказался не очень известен, а также о некоторых примечательных, но тоже не очень известных работах знаменитых японоведов прошлого.

Обычно основные темы исследований и теоретизирований в области древней мифологии — это происхождение мифологических нарративов, их контуры и варианты, а также их социокультурная роль. И мы знаем, что начиная с

древнейших этапов истории человечества толкование всех этих материй разительно меняется в зависимости от исторического и политического контекста.

Изучение и аналитическое осмысление японской древности принято отсчитывать от начала XX в., но надо сказать, что размышления о японской мифологии и обрядности, а также сведения о сопутствующих древних текстах в российской словесности можно найти много раньше. О временах, предшествующих современному профессиональному японоведению, нам уже доводилось писать, и за подробностями мы отсылаем к работам [Ермакова, 2005; 2020]. Основной же предмет настоящего исследования — концепции и оценки японской древности в первые сорок лет XX в.

Во второй половине XIX в., когда Япония открывается миру, информация о ней в сфере российского книгопечатания и периодики начинает расти по экспоненте, и вскоре наступает этап профессионального изучения японской древности. По сравнению с прежними тремя столетиями картина совершенно меняется — российские авторы переводов и исследований древней и классической японской литературы начинают обходиться без посредничающих языков и культур, опираясь на оригинальные источники и учитывая труды японских исследователей[1].

Промежуточным случаем вероятно, можно считать книгу Г.А. Де-Воллана (1847–1916) «В стране восходящего солнца» с обширными главами «Происхождение японцев», «Доисторический быт японцев, как он представлен в древнейшей японской хронике Ко-дзи-ки», «Космогония японцев и синтоизм», «Начало японской истории» [Де-Воллан, 1903]. Де-Воллан не был профессиональным японоведом, но, проведя в Японии в качестве российского дипломата десять лет (с перерывом), он в какой-то мере овладел японским языком, хотя в основном цитирует работы западных японоведов; он создает весьма подробное и довольно достоверное повествование; см.: [Де Воллан, 2023]. Книга эта увлекательно написана, начинается она словами: «Японский архипелаг тянется, наподобие виноградной лозы, тремя красивыми фестонами вдоль берегов Сибири и северного Китая». Из любопытных для японоведа-древника деталей отмечу, что тот самый прозорливый Хиэда-но Арэ с феноменальной памятью, со слов которого, как мы знаем из предисловия Оо-но Ясумаро, был записан текст «*Кодзики*» 古事記, у Де-Воллана, как и в трудах ряда японских историков того времени, считается состоящей при дворе женщиной.

Следующие за Де-Волланом работы российских японоведов о японской древности, если не считать нескольких стихотворений «*Манъё:сю:*» в переводе Ямагути Моити, относятся к 1920-м годам.

Таких работ немало, и это пожалуй, неудивительно. В самой Японии формирование во времена Мэйдзи государственного синто дало новый толчок освоению древнейшего наследия — в продолжение начатого еще филологами

[1] Возможно, первым опытом такого рода исследования, основанного только на японских источниках и на собственных наблюдениях над текстами, стал «Обзор истории современной японской литературы 1868–1906», написанный выпускником Восточного института Г.Г. Ксимидовым и содержащий не только анализ текстов, но и их переводы [Ксимидов, 1909].

Школы национальной науки, 国学派, *Кокугакуха*. Европейское японоведение обратилось к переводам и комментированию памятников японской древности еще раньше, в конце XIX в., достаточно вспомнить хотя бы огромный труд У. Дж. Астона (1841–1911) по переводу «*Нихон сёки*» на английский язык. В начале XX в. изучение японской древности в Японии протекало еще, можно сказать, в русле японского романтического национализма, отчасти связанного и с реакцией на стремительную мэйдзийскую вестернизацию и модернизацию. Но довольно скоро эта идеология становится воинствующей и по духу сближается со сходными идеологическими явлениями в фашистской Германии. В самом же начале 1930-х исследования по японской древности еще в большой мере сохраняют академический характер. Именно в этот период в Японии появилось немало работ по истории древности, были опубликованы комментированные издания ряда основных памятников, основаны книжные серии и научные сообщества по углубленному изучению важнейших произведений прошлого.

Разумеется, интерес к архаике как таковой возникал в стране не раз, и подобные процессы происходили не только в Японии. Этнография и фольклор еще с конца XVIII в. под влиянием романтизма оказались в центре публичного внимания в Европе и в России, а к концу XIX в., с выходом томов Д. Фрэзера «Золотая ветвь», интерес к археологии, мифике, древнейшей истории становится распространенным повсюду, даже, может быть, своего рода интеллектуальной модой (вспоминается, как В.В. Набоков в одном из своих эссе иронически назвал «Золотую ветвь» «религиозно-этнографическим спортом»).

Этот всеобщий «культур-антропологический интерес» на фоне повышенного значения, которое придавалось древним памятникам в самой Японии, не мог не влиять и на выбор объектов для изучения в среде профессиональных востоковедов. Примером и доказательством этого могут служить переводы и исследования российских японоведов 1920–1930-х годов, тоже предпринимавших попытки реконструкции древней истории, изучавших мировоззрение и религиозные представления японцев древности.

Как нам представляется, чрезвычайно важным этапом в развитии российского японоведения стал краткий, и то же время фундаментальный очерк истории японской литературы выдающегося японоведа С.Г. Елисеева (1889–1976) [Елисеев, 1920], который Н.И. Конрад впоследствии назвал «превосходным» и «суммарным». В работе Елисеева отказ от опоры на западные источники был намеренным и осознанным. Как он сам писал о Японии, «соседи с ней, мы не знали ее до войны [имеется в виду Русско-японская война. — *Л.Е.*], нам был неизвестен ее национальный лик, мы проходили мимо ее духовных богатств. Но можем ли мы сказать, что мы ее знаем теперь, после жестокого урока 1905 года? Мы по-прежнему остаемся в неведении и довольствуемся немногими компиляциями, составленными по европейским книгам и всегда полными ошибок». Кроме того, можно, пожалуй, утверждать, что именно С.Г. Елисеев сформулировал основные положения, которыми с тех пор и руководствуются российские японоведы. В частности, это он впервые в отечественном японоведении отчетливо заявил, что понятие «всемирный» не тождественно понятию «западно-европейский», что характерной чертой японской художественной эстетики

являются выработанные японской культурой принципы специфического взаимодействия художника с природой, что для понимания своего предмета японоведу требуется значительная подготовка, а также отказ от «привычных нам трафаретов» и т.п.

Следующей заметной публикацией, видимо, необходимо назвать объемную статью Н.П. Мацокина (1886–1937)[2] «Японский миф об удалении богини солнца Аматерасу в небесный грот и солнечная магия» [Мацокин, 1921]. Н.П. Мацокин — сложная фигура. По выражению А.Е. Куланова, он был человек талантливый, но напуганный и не брезговавший подлыми методами. Как мы знаем из работ его биографов, после первого краткосрочного ареста он стал сотрудничать с ОГПУ. По сведениям А.С. Дыбовского, он утверждал, что преподает студентам японский язык с марксистских позиций, объявил также употребление латинской транскрипции соглашательством с британским империализмом, а рецензии на работы коллег писал в духе политических обличений. Так, сборник «Восток» 1935 г., о котором мы скажем ниже, Мацокин раскритиковал остро и нелицеприятно: прежде всего он заклеймил составителей за то, что там были помещены три *норито* в переводе Н.А. Невского, служившие, по его мнению, «средством угнетения и эксплоатации японского трудового народа» и обслуживавшие «интересы жреческого сословия и племенных вождей». В 1937 г., будучи арестован, он написал доносы на пятерых японоведов начиная с Конрада и Невского, тем не менее сам был расстрелян в день ареста.

Что же касается статьи Н.П. Мацокина о сокрытии Аматэрасу в пещере, то, объективно говоря, она демонстрирует незаурядную одаренность и широкую эрудицию автора, в статье немало интересных, тонких и, как представляется, глубоких соображений. В то же время основания, на которые опирается автор, к настоящему времени во многом пересмотрены и отвергнуты в российском и мировом японоведении. Главное содержание статьи — попытка установления смысла имен богов и перевод этих имен, что привело, как часто бывает в случае попыток этимологий японских теонимов, к созданию фиктивных значений и несуществующей мифической эмблематики, вводящей в заблуждение.

Свою роль сыграло и то обстоятельство, что на момент написания статьи еще не были сделаны открытия относительно древнеяпонской системы фонем, и Мацокин строил свои рассуждения о мифических мотивах и значении теонимов, например, на том, что слова «солнце» и «огонь» по-японски звучат как одно и то же *хи*; между тем, исследования второй половины XX в. доказали их разное происхождение (возможно, что одно из них праалтайское, а второе относится к австронезийскому субстрату), разную этимологию и отличия в произношении в древнеяпонском языке.

Кроме того, Мацокин предлагает собственную интерпретацию мифа о сокрытии Аматэрасу в Небесной пещере, основываясь на том же Фрэзере и типологических сходствах мифических мотивов. Сравнительный анализ мифо-

---

[2] В научной литературе о Н.П. Мацокине существует ряд упоминаний и кратких характеристик (В.М. Алпатов, А.Е. Куланов, А.А. Хаматова, А.А. Хисамутдинов и др.); самая подробная и глубокая работа принадлежит А.С. Дыбовскому [Дыбовский, 2014].

логических мотивов с тех пор проводился в разных исследованиях японских и западных ученых, но предложенные концепции Мацокина часто доказываются на широком, пожалуй, слишком широком сравнительном материале, так сказать, поверх истории и географии. Они включают, например, западно-прусские или восточно-африканские примеры — под явным влиянием трудов Фрэзера, который раздвинул поле изучения этнографа до всех времен и до всех народов.

Приведу лишь одну цитату из Мацокина, удивляющую своим несоответствием рассматриваемым текстам VIII в., «*Кодзики*» и «*Нихон сёки*» 日本書紀. Он пишет о японском обществе эпохи Нара, словно о «пещерных людях» эпохи «борьбы за огонь»: «В древнем японском обществе личность не существовала вовсе. О том, насколько у японцев личность была поглощена коллективом, свидетельствует "безличность" японского языка. Между прочим, если бы Levy-Bruhl знал японский язык или просто познакомился бы с ним по лучшему психологическому его анализу, сделанному К. Мунцингером[3], он несомненно отнес бы японский язык к языкам низших народов с дологическим, по его терминологии, мышлением». Последнее утверждение сомнительно уже тем, что оба этих письменных памятника японской древности были все же написаны не по-японски, а на сложном, прошедшем к тому времени несколько стадий развития классическом китайском языке. Безапелляционность и полемическая резкость, по всей вероятности, были в характере этого исследователя. С непоколебимой уверенностью в собственной правоте он беспощадно критиковал работы своих коллег, находя ошибки в выборе текстов для перевода, ошибки в японском языке, ошибки понимания японского текста и, наконец, что было хуже всего, ошибки идеологического характера.

Через несколько лет появляется известная хрестоматия Н.И. Конрада (1891–1970) «Японская литература в образцах и очерках» [Конрад, 1927] , где составитель поместил предисловие к «*Кодзики*» Оо-но Ясумаро в переводе Н.И. Фельдман и фрагменты первого свитка в переводе Г.О. Монзелера. Переводы сопровождала теоретическая статья самого Н.И. Конрада о «*Кодзики*» — первом произведении, открывшем историю японской словесности и отразившем строй мыслей и представление о мироустройстве правящего слоя японского общества VII–VIII вв., — трезвый и глубоко историчный очерк по японской древности. А через десять лет, в конце 1930-х, Н.И. Конрад составил для студентов обширный и подробный курс по древней японской истории с опорой на мифологические своды и данные китайских и корейских летописей[4].

К периоду 1920-х относятся и первые значительные работы А.Е. Глускиной (1904–1994). Ее статья «Театр и религия в Японии» [Глускина, 1931] основывалась не только на исследовательской литературе, но и на собственных впечатлениях автора, проведшего в Японии около года. За этот год А.Е. Глускина

---

[3] Речь идет о книге немецкого миссионера периода Мэйдзи Карла Мунцингера (1842–1911); см.: [Munzinger, 1898].

[4] Этот курс был опубликован на правах рукописи в Московском Институте Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР в 1937 г., затем в 2004 г. Марией Щербаковой была произведена подготовка текста и его публикация на сайте «Окно в Японию» (URL: http://ru-jp.org/konrad_rekishi.pdf). С подробными комментариями курс лекций Конрада см.: [Конрад, 2023].

видела различные ритуалы, действа, театральные представления, была участником семинаров Сасаки Нобуцуна 佐佐木信綱 (1872–1963) по «*Манъё:сю:*», встречалась с Янагита Кунио и бывала у него в гостях.

Содержательная, изобилующая живыми фактами работа А.Е. Глускиной опирается на реальные этнографические материалы и глубокие познания в классической японской литературе. Суть данной статьи, если коротко говорить, состоит в том, что в работах японских историков традиционные японские театральные представления и сам театр Но: принято возводить к сцене танца богини Удзумэ-но микото в том же мифе о сокрытии Аматэрасу в Небесной пещере, и делается это с тем, чтобы происхождение театрального искусства можно было связать с эпохой богов и официальными летописями страны[5].

А.Е. Глускина противопоставляет этим теориям описание и анализ разного рода обрядов в японских деревнях, свидетелем которых она была во время путешествия по Японии, и обнаруживает сходство между квази-театральными действами в синтоистских святилищах и ритуалами посева рисовых ростков (*тауэ* — по выражению исследовательницы, «священнодействие рисовой рассады») и другими календарными полевыми обрядами, которые сопровождались танцами, разжиганием костров и т.п. В такого рода народной хореографии, сопровождающей отправление аграрных культов, в таких «магических плясках» она и обнаруживает истоки театрального искусства.

С точки зрения исследовательницы, эти пляски в глубокой древности носили «производственный характер», то есть имели практическую цель, затем жрецы начали активно включать их в быт и обстановку храмов, а в сами пляски вносить отдельные элементы религии и заменять «производственный сюжет мифологическим содержанием». Таким образом «жречеству удалось наконец положить начало своим священным мистериям — кагура. [...] Здесь уже первоначальное место действия пляски у храмов, на земле, сменяется специальной храмовой площадкой, исполнителями становятся не крестьяне, а жрецы, бутафория уже чаще всего фигурирует в виде священных символов, и содержание уже целиком подменяет свое существо. На смену производственному процессу приходит миф, религия» [Глускина, 1931, с. 131]. Главная мысль исследовательницы состоит в том, что пляски земледельцев древности в рамках урожайных обрядов со временем превращаются в прихрамовые представления *кагура* (из которых потом возникает театр Но:), и происходит это в результате усилий жреческой прослойки. Через такие театральные представления жречество «проповедует свою эксплоататорскую мораль» [Там же, с. 145].

Статья написана в пассионарном стиле, но этот стиль в какой-то степени был языком эпохи, как и романтическая приверженность А.Е. Глускиной идеям народничества, которое было одним из признаков российского интеллигента начала века. Позже А.Е. Глускина к такой лексике и стилю уже не прибегала, но концепция рождения японского традиционного театра из локальных народных обрядов на всю жизнь осталась одной из ее любимых идей, и в своих публикациях позднего периода она развивала ее теоретически, уточняла и расширяла

[5] В современной Японии такая точка зрения уже не является общепринятой.

с помощью новых фактов, сопоставляла отдельные движения актеров, элементы устройства сцены, сценические приемы театра Но: с чертами виденных ею представлений в рамках обрядов при синтоистских святилищах[6].

Вероятно, следующая по времени работа — это статья А.А. Вановского «Японская мифология и Библия» [Вановский, 1934]. Эта публикация, как пишет сам автор, составлена по его докладу «Мифология "Кодзики" и Библия», прочитанному в японском обществе «Мэйдзи» в Токио 26 апреля 1932 г.

А.А. Вановский (1874–1967) — примечательная фигура среди русских в Японии: когда-то он был одним из девяти участников Учредительного съезда РСДРП, соратником В.И. Ленина, потом создателем группы «Воля»; в РГБ он представлен единственным изданием — брошюрой 1906 г. «О тактике милиции», где говорится о тактике уличного боя. Затем он полностью отошел от революционного движения, движимый патриотическим духом, участвовал в Первой мировой и был ранен. Потом он стал христианским мыслителем-мистиком, а в 1919 г. перебрался в Японию, где прожил полвека, преподавая в Васэда и ряде других университетов русскую литературу. Когда-то, живя в Москве, он бывал на заседаниях Религиозно-философского общества, сам считал себя учеником Н.А. Бердяева, и не случайно вышеназванная статья опубликована в журнале Религиозно-философской академии «Путь», бессменным главным редактором которого был Бердяев.

Вановский, сопоставляя «*Кодзики*», молитвословия *норито* из свода «*Энгисики*» 延喜式 (X в.) и Библию, ставит себе следующую задачу: «Я подхожу к Кодзики не как к этнографическому материалу, а как к художественному произведению, и потому для меня на первом плане стоит вопрос об установлении сюжета и о психологической стороне действия... Миф и поэтическое произведение развиваются из общего корня — из стремления человека осознать свое мироощущение, выражаемое в образах и символах. Вот это-то внутреннее родство мифа и поэзии и является исходным моментом моего исследования, позволяя мне пользоваться приемами психологического анализа. С точки зрения сюжета Кодзики представляют собой развитие борьбы двух противоположных начал — начала организующего, отождествляемого со светом, и начала хаотического, отождествляемого с тьмой. Сквозь все события мифа проходит эта идея, и она же является ключом к психологии действующих лиц. Кодзики, можно сказать, это поэма, прологом которой является миф о творении. В этом отношении они могут быть сопоставлены с событиями первых шести глав книги Бытия, также примыкающими к рассказу о сотворении мира» [Вановский, 1934, с. 38].

Естественно, что такое видение сути и смысла японского текста «*Кодзики*» задает даже не психологический, а чисто богословский строй мысли всего исследования. Такой подход тоже, в принципе, допустим и может принести свои

---

[6] Воспользуюсь случаем и скажу несколько слов от себя. Анна Евгеньевна Глускина была моим Учителем с большой буквы, я знала ее близко — и как ученого с огромным диапазоном знаний, и как человека удивительного благородства и достоинства, и всегда буду ей благодарна за ее науку и за ее доброту ко мне.

плоды, однако, на мой взгляд, сближения Вановского во многом надуманны, а главное, далеко расходятся с характером, целями и идеологией «*Кодзики*». Сопоставление мифологических сюжетов и архаических космологических концепций разных культур и в самом деле дает возможность увидеть многие скрытые или стершиеся мотивы, которые в свернутом виде присутствуют в глубинных слоях мифа, в этом смысле, разумеется, отдельные мотивы «*Кодзики*» в чем-то совпадают с известными нам мифологиями других народов мира. Но Вановского не интересует мифологическая компаративистика, он ищет этические начала, которые показали бы, в частности, японский вариант перехода Христа от иудаизма с его «око за око» к христианству с его любовью к ближнему, в том числе врагу, и концепции отказа от мести.

«Перевоплотимся в душу древнего человека, — пишет Вановский, — и мы поймем, какую радость он должен был переживать, слушая молитвословие о том, как небесные боги предотвратили козни страны Иоми, помешав ей разгромить светлый мир и вернуть его в первобытное состояние угрюмого хаоса!» Другими словами, проступки божества Суса-но-о, из-за которых Аматэрасу решила сокрыться в пещере, Вановский рассматривает как «козни страны Ёми», которую он, видимо, отождествляет с библейским Адом как средоточием Зла или с сатаной. Вывод этот вполне сообразуется с избранной автором логикой, но текст «*Кодзики*», как нам представляется, его не подтверждает. Однако сама идея Вановского, безусловно, нова и, может быть, даже полезна эвристически, открывая не замеченные ранее нюансы японских мифов.

Трудно также согласиться с концовкой статьи, провозглашающей: *«Итак, по Кодзики и Норито причина беспорядка на земле восходит к созданию мира и кроется в самом способе его творения из хаоса»* (курсив принадлежит Вановскому. — *Л. Е.*) [Вановский, 1934]. Здесь снова библейские смыслы приписываются японскому тексту, который сам по себе их, похоже, все же не содержит.

В настоящем исследовании заданы рамки — первые сорок лет XX в., однако нельзя не упомянуть о главной книге А.А. Вановского о японской древности — «Вулканы и солнце» вышедшей в 1955 г. по-японски [Вановский, 1955] и в 1960 г. в английском переводе. Согласно теории Вановского, японцы — племя, вышедшее из Месопотамии, но древние мифологические сюжеты трансформировались на Японских островах под влиянием их вулканической природы. Богиня Идзанами ассоциируется у него с вулканической стихией и становится богиней всего мертвого, что, кстати, позволяет ей быть и богиней плодородия — ввиду повышенной урожайности почв на склонах вулканов. Бог Суса-но-о тоже оказывается божеством вулкана наподобие горы Асо, а Аматэрасу и Идзанаги — солярные боги, боги света добра.

Теория японской мифологии Вановского имела приверженцев среди его современников в Японии, равно как и его не менее новаторские трактовки «Гамлета» или «Евгения Онегина». А как он сам неоднократно писал, стимул заняться японской мифологией он получил во сне, когда увидел сияющих божеств, мирно сходящих на землю со скрещенными руками, то есть без оружия, — таков один из вещих снов мистика и визионера Вановского, увиденный им в 1912 г.

Следующий ученый, о котором пойдет речь, — человек однозначно выдающийся. Н.А. Невский (1892–1937) может быть отнесен и к талантам (возможно, гениям), и к мученикам (расстрелян в 1937 г.). Его академическая деятельность настолько велика и значительна, что не представляется возможным обозреть здесь ее даже кратко. Но публикаций в советский период его жизни было у него не так много, поэтому упомянем только одну его блестящую работу — «Культовая поэзия древней Японии. VI–VIII вв.» [Невский, 1935], навлекшую на себя критику и донос Мацокина.

Эта публикация представляет собой перевод трех *норито* из «*Энгисики*», выполнена с филологической точностью и безукоризненным литературным вкусом. Если искать стилистические пересечения и сходства с переводами мифологических нарративов из других ареалов, то, может быть, можно усмотреть отдаленное сходство с переводом ассиро-вавилонских эпосов В.К. Шилейко, вышедшим в 1919 г. С точки зрения методологии или мировоззрения исследователя Невский, как всегда, остается академическим ученым par excellence, блестящим этнографом, лингвистом и антропологом. Работы Н.А. Невского по японской древности и этнографии, разумеется, не ограничиваются этими тремя *норито* (ему принадлежат труды по тангутике, по айнскому языку и этнографии, по фольклору и диалектам острова Мияко, по диалектам тайваньских цоу), но далеко не все, что он успел сделать до расстрела в 1937 г., тогда же увидело свет на его родине. Его перевод «*Когосю:и*», например, был опубликован только в 1996 г.[7]

Для автора данной главы три перевода *норито* Невского, прочитанные на студенческой скамье, на всю жизнь определили сферу главных интересов в японоведении.

И вот совсем недавно обнаружилось, что переводы Невского из «*Энгисики*» были не первыми переводами *норито* на русский язык. Первым японоведом, кто взялся за эти тексты, был эмигрант из России М.П. Григорьев (1899–1944), которым мы закончим наш перечень имен и теорий. Блестящий знаток японского языка и литературы, Григорьев был известен среди русской эмиграции в Японии многими переводческими работами, а в позднесоветский период и на рубеже перестройки, когда переводы и исследования японоведов-эмигрантов стали понемногу просачиваться в СССР, наибольшее распространение и популярность получил его перевод эссе Танидзаки Дзюнъитиро: «Похвала тени» (陰影礼賛, «*Инъэй райсан*»), ставший, как теперь говорят, «культовым» для многих любителей японской культуры. Его публикатор, Л.Л. Громковская, пишет в предисловии к сборнику [Похвала тени, 1996]: «Есть переводчики, мастерство которых ошеломляет — им удается передать не только смысл, но и звук, не только содержание, но самую стихию иноземной речи, плавное ее течение, внутреннее ее наполнение. Таким переводчиком был Михаил Петрович Григорьев (1899–1943), чьи блистательные переводы с японского никогда ранее не издавались в России».

---

[7] Рукопись его хранилась в библиотеке Университета Тэнри, рукописную копию с нее сделала во время своей годовой стажировки в Японии японовед, специалист по поэтическим трактатам школы Басё Н.С. Шефтелевич, а издать ее удалось много позже. См.: [Когосюи, 1996].

В начале 1930-х М.П. Григорьев увлеченно и сосредоточенно занимался словесностью древней Японии. Биограф Вановского, А.Л. Налепин, пишет: «Роль М.П. Григорьева в научной судьбе А.А. Вановского как ученого-японоведа была не просто значительной, но во многих отношениях даже определяющей… Именно М.П. Григорьев стал для Вановского его мудрым Вергилием, проведшим русского неофита по лабиринтам загадочного японского мироустройства и особой японской ментальности» [Налепин, 2020, с. 286].

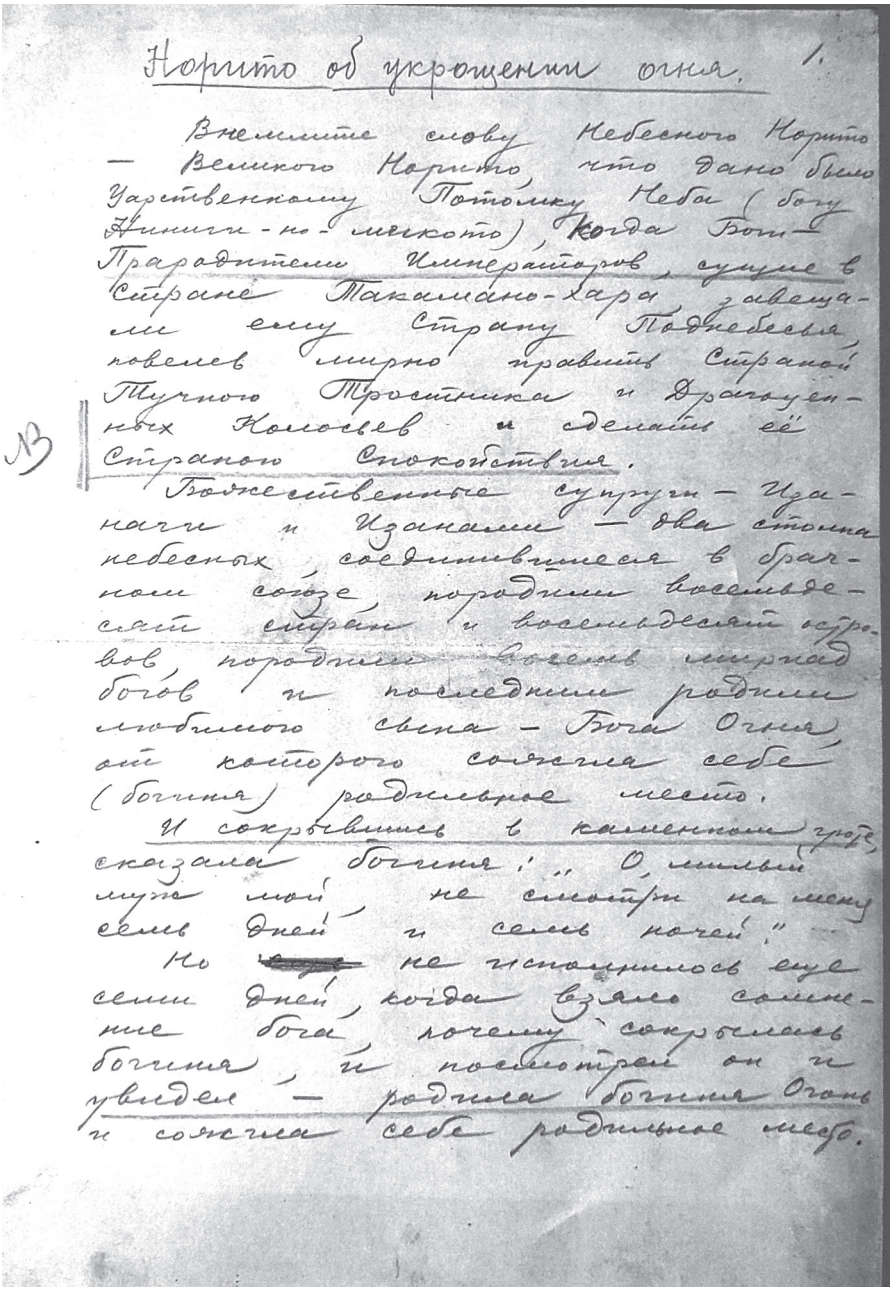
Над чтением «*Кодзики*» и *норито* Григорьев и Вановский сидели вместе, Григорьев с листа переводил текст для Вановского, пользуясь при этом комментариями авторитетного филолога-древника Цугита Дзюн 次田潤 (1884–1966), а Вановский делал записи тех фрагментов, которые более других интересовали его в связи с его концепциями. Для обоих это совместное занятие оказалось плодотворным: Вановский написал статью о сравнении «*Кодзики*» и Библии, Григорьев же опубликовал работу «Древнейший памятник японской литературы Кодзики» в первом выпуске издававшегося в Токио под редакцией самого М.П. Григорьева сборника «На Востоке» (1935 г.).

По-видимому, М.П. Григорьев переводил отдельные фрагменты «*Кодзики*» не только устно, но и письменно, и примерно в то же время, в конце 1920-х — начале 1930-х, работал над *норито* и планировал публикацию своих переводов, но, насколько можно судить, так и не осуществил этого намерения до своей ранней смерти в 1944 г.

Один экземпляр из этих рукописных переводов *норито* волею судьбы оказался в распоряжении автора данной главы — как часть архива профессора Ореста Викторовича Плетнера (1892–1970), несколько лет назад переданного автору муниципалитетом г. Кобэ. Григорьевские переводы *норито* цитирует и А.А. Вановский в статье 1934 г. Например, он приводит такую цитату: «Там гомонят скалы и пни деревьев и сине-пенные воды. Но эта страна да будет усмирена и станет страной спокойствия, управляемой потомками неба». Сноска Вановского к этой цитате гласит: «Цитируем по рукописи — переводу японоведа М.П. Григорьева, что он любезно предоставил в наше распоряжение. “Славословие правителя страны Изумо”… перевел М.П. Григорьев. Токио. 1931 г.». Сноска сходного содержания дается и ко второй цитате — фрагменту из «Норито об удалении богов, преследующих несчастьями», тоже датированного 1931 г.

В архиве О.В. Плетнера перевод *ёгото*, написанный рукой М.П. Григорьева, имеет вид ксерокопии, сделанной на устройстве старого образца. Поскольку копировальные машины вошли в Японии в обиход с начала 1960-х, а Орест Плетнер скончался в 1970 г., ксерокопия этой рукописи, надо думать, была сделана и попала к нему около середины 1960-х. Рукопись содержит пять с половиной рукописных страниц и, видимо, была частью подшивки, поскольку на первой странице стоит еще номер 106. На последней странице, под словами «Перевод М.П. Григорьева» обозначена дата — 5 января 1931 г.

Эта находка григорьевского перевода оказалась не последней. В марте 2024 г. автор главы провела две недели, разбирая архив А.А. Вановского в библиотеке университета Васэда (илл. 1). Там обнаружился оригинал григорьевского перевода *ёгото*, а кроме того, еще два переведенных *норито* — «Нори-



Норито об укрощении огня.

Внемлите слову Небесного Норито — Великого Норито, что дано было Царственному Потомку Неба (богу Ниниги-но-микото), когда Боги-Прародители Императоров, сущие в Стране Такамано-хара, завещали ему Страну Поднебесья повелев мирно править Страной Тучного Тростника и Драгоценных Колосьев и сделать её Страной Спокойствия.

Божественные супруги — Изанаги и Изанами — два столпа небесных, соединившиеся в браном союзе, породили восемьдесят стран и восемьдесят островов, породили восемь великих богов и последним родили любимого сына — Бога Огня, от которого сожгла себе (богиня) родильное место.

И сокрывшись в каменном гробу сказала богиня: „О, милый муж мой, не смотри на меня семь дней и семь ночей."

Но не исполнилось еще семи дней, когда взяло сомнение бога, почему сокрылась богиня, и посмотрел он и увидел — родила богиня Огонь и сожгла себе родильное место.

Илл. 1. Рукопись перевода М.П. Григорьева с пометками А.А. Вановского из архива университета Васэда. Фото с любезного разрешения сотрудников архива, 2024 г.

то об удалении богов, преследующих несчастьями» и «Норито об укрощении огня».

Все три перевода выполнены с удивительной академической точностью и в то же время находчивостью литератора и стилиста. Скорее всего, Н.А. Невский, уехавший в СССР в 1929 г., не знал об этих переводах Григорьева, тем более что они никогда не были опубликованы. Сам Невский в выборе *норито* для перевода совпал с Григорьевым только в одном случае — оба перевели *норито* усмирения огня (鎮火祭, *Хосидзумэ-но мацури*). У Григорьева оно называется «Норито об укрощении огня», у Невского — «Молитвословие в Праздник Успокоения огня», но очевидно, что переводчики никак не пересекались между собой и создали два совершенно разных текста. Автору остается только сожалеть о том, что переводы М.П. Григорьева не были известны раньше, в период работы автора над полным переводом собрания *норито* «*Энгисики*».

И вот теперь обнаружилась возможность — спустя почти сто лет после создания — представить читателям и ввести в научный оборот три текста этого замечательного переводчика и исследователя. В публикации сохранена транскрипция, примененная М.П. Григорьевым, которая отличается от принятой ныне. Постраничные сноски принадлежат переводчику М.П. Григорьеву. Примечания Л.М. Ермаковой помещены в конце текста, к ним отсылают цифры в квадратных скобках.

Норито

Пер. М.П. Григорьева

Славословие правителя страны Изумо (Izumo kuni-no miyatsuko-no kami yogoto) [1]

Велико число дней, но счастливейший из них — сей день, в который я — правитель страны Идзумо — (имя рек) со страхом и благоговением говорю так:

Я — (имя рек —) воздел на слабые плечи свои крестообразные *тасуки,* возложил на главу свою наголовник из чистейшего полотна, разостлал во святилище священный ковер из скошенной священной травы, зачернил копотью на огне дно священного сосуда, накурил священного вина [2] в кувшинах и, затворившись в святилище, посвятил себя служению богам, восседающим в ста восьмидесяти шести храмах, во главе с божественым предком Кусимикэну-но-микото[8] — покровителем земли Куману, который есть возлюбленный сын бога Идзанаги, а также с богом Оонамочи-но-микото[9], который создал государство [3]. Эти два бога восседали в храме среди зеленой ограды гор, окружающих землю Идзумо, и столпы этого храма вкопаны глубоко вниз до основания скал,

[8] Одно из имен Сусаноо-но-микото.

[9] Одно из имен Оокуни-нуси.

а крестовидные перекладины кровли его вознесены высоко в небо до самой страны Такама-но хара.

И так я нес служение мое, дабы великое царствование императора, управляющего Страной Равнин Великих Островов, как явленный бог на земле, имя же его священно в устах — было великим царствованием на многая лета.

И вот сегодня в добрый час пышного восхода утреннего солнца, вознесу я божественное славословие — в ответ на мое служение богам.

Когда божественные предки императоров в Такамано-хара — боги Таками-мусуби и Ками-мусуби [4] — завещали божественным потомкам Поднебесную Страну Восьми островов, то послали вниз бога Ямэ-но хохи — дальнего предка рода Идзумо — разведать положение этой страны: и он, раздвинув восемь гряд небесных облаков, облетел небо, облетел землю и оглядел все поднебесье, и, возвратившись, принес ответ:

«Страна Тучного Тростника и Драгоценных Колосьев находится в беспорядке. Там боги, которые днем шумят и роятся, как мухи, и ночью сверкают, как огненные искры. Там гомонят скалы и пни деревьев и сине-пенные воды. Но эта страна да будет усмирена и станет страной спокойствия, управляемой потомками неба».

И сказав так, послал на землю своего сына Амэ-но-хинадори-но микото и с ним бога Фуцунуси-но микото, которые разбили и покорили буйных богов и увещанием усмирили великого бога — создателя государства, которого заставили уступить дела правления Страною Восьми Великих островов.

И сказал бог Оонамоти-но микото: «Великая земля Ямато [это место], где сядут царственные потомки богов», и вселил свою мирную душу в зеркало Ята и приняв имя Оомононуси-Куси-Микатама — Бог Ямато, — поселился в священной роще Оомива и душу сына своего — Адзисуки-Такахиконе-но-микото[10] поселил в священной роще Камо в Кадзраги, душу Котосиронуси-но-микото поселил в Унадэ, а душу Каянаруми-но-микото — в священной роще в Асука, и так покорил для царственных потомков неба ближайших хранителей-богов и сам сел в храме Аони-Кизуки.

Тогда велели великие боги-прародители[11]: «Ты, бог Амэ-но хохи, служи и молись о долгоденствии славного царствования на многая лета и пекись о его процветании».

И так потомки его[12] из поколения в поколение несут священнослужение, и сегодня, в час пышного восхода утреннего солнца я принес здесь дары богов и дары своего рода — священные дары в благословение царствования императора.

Да будут длиться дни его — до седых волос — белых, как эти белые каменья, и да будет подобен этим красным каменьям румянец щек его.

---

[10] По Кодзики — буйный «друг» бога Амэ-но-вакахико, который пинками ног разнес усыпальницу своего друга.

[11] Боги Таками-мусуби и Ками-мусуби.

[12] Правители страны Идзумо.

Да управляет он, как явленный бог на земле, Страной Восьми Великих Островов объединяющей десницей, подобно тому, как соединены в прекрасное ожерелье эти зеленые каменья, и да будет его долгое царствование широко, и прочно, как этот кованый меч.

Белый конь твердо попирает землю копытами передних и задних ног своих — это знамение того, что так же твердо стоят на верхних скалах и на нижних скалах столбы внутренние и наружные врата великого дворца.

Высоко стоят уши у коня, и это знак, что столь же высоко будет править император Страной Поднебесья.

Да будет сердце его светло, как этот лебедь, живая дань, преподнесенная в утеху ему, — и правильно, как узор на этой ткани.

Да будет он вечно молод, как молода эта живительная влага источников, бьющих там и сям из берегов старых рек — и да идут вспять лета его, как устремляются против течения взволнованные струи вод при омовении.

Да будет ясен взор очей его, как ясна поверхность этого зеркала, когда протрут его.

Да управляет он, как явленный бог на земле, страной Восьми Великих Островов в мире и покое, пока существуют небо и земля, и луна и солнце.

В знамение сего преподношу сии священные дары, в благословение царствования императора — дары богов и дары моего рода — и со страхом в сердце произношу сие божественное славословие, передающееся в роду из поколения в поколение от небесных потомков.

Перевод М.П. Григорьева
5/I 1931 г.

Норито об удалении богов, преследующих несчастьями

И повелели боги Прародители Императоров [5], Сущие В Стране Такаманохара, ими же положено начало божественному управлению, — собраться восьмистам мириадам богов на Небесное Сборище на совет богов. И сказали:

«Да владеет наш Божественный Внук (бог Ниниги-но микото) Страною Тучного Тростника и Драгоценных Колосьев в мире и покое».

И поднялся он с горнего седалища своего и, величаво раздвигая восемь гряд небесных облаков на тысячи сторон, сошел на землю, положенную ему.

И держали боги перед тем совет:

«Кого бы из богов послать, чтобы рассеять и покорить буйных богов Страны Драгоценных Колосьев». И думали все боги и сказали: «Пошлем на покорение их бога Амэ-но Хохи».

Так, послали они его на землю, но он не вернулся с ответом. За ним послали бога Иаке-Микума, но и тот последовал за отцом своим и не вернулся с ответом. Тогда послали бога Амэ-Вакахико, но он также не вернулся с ответом, но погиб на месте, получив возмездие через Небесную Птицу.

Тогда, по велению небесных богов, опять держали совет, и были посланы на землю два бога — Фуцунуси и Такемиказути. И рассеяли они всех буйных

богов и усмирили их, и заставили умолкнуть гомонящие скалы и пни деревьев, и травы вплоть до последнего листа [6].

Тогда сошел с небес Небесный Царственный Потомок на землю, положенную ему. И избрана была Великая Земля Ямато — Страна Спокойствия, где высоко стоит на небе солнце, — срединной земли, на которую низошли потомки неба.

И был воздвигнут небесный дворец — укрытие от солнца и дождя для царственных потомков неба, — да правят они страною в мире и покое. Глубоко в земле, у самых оснований скал покоятся столпы его, а крестовидные перекладины на его кровле вознесены высоко в небо до самой страны Такаманохара.

Вы, боги, обитающие внутри сего дворца! Помните великий начал, положенный в стране Такаманохара и, как подобает богам, без буйства и разбоя исправьте в корне буйное сердце свое, оставьте землю сию [7] и поселитесь в той прекрасной земле среди гор и рек, откуда открывается вид на все четыре стороны, и владейте ею, как собственной землею.

За это приносим вам сии священные дары: вот ткани, ткани яркие, ткани мягкие, ткани грубые; вот зеркало, чтобы смотреться, каменья для утехи, лук и стрелы для стрельбы, меч, чтобы рубить, и конь, чтобы скакать на воле. Вот высокие сосуды, полные вином, и рис обрушенный и не обрушенный. От тварей, живущих в горах, пушнина и меха; от злаков, растущих в широком поле, овощь сладкая и овощь горькая; от твари, живущей в синем море, рыба крупная и рыба мелкая, водоросль из пучин морских и водоросль прибрежная.

Примите кротко и со светлым сердцем все эти мирные дары, что в изобилии разложены здесь горою на жертвенном столе, и не преследуйте несчастьями и не учиняете буйств, но удалитесь в землю просторную и чистую [8] среди гор и рек, и живите там тихо, ибо так подобает богам. Молим вас о том. Аминь.

Перевел М. Григорьев.
13/I 1931

Норито об укрощении огня

Внемлите слову Небесного *норито*, что дано было Царственному потомку неба (Богу Ниниги-но микото), когда боги — Прародители Императоров, сущие [9] в Стране Такама-но хара завещали ему Страну Поднебесья, повелев мирно править страной Тучного Тростника и Драгоценных Колосьев и сделать ее Страной Спокойствия [10].

Божественные супруги — Изанаги и Изанами — два столпа небесных, соединившиеся в брачном союзе, породили восемьдесят стран и восемьдесят островов, породили восемь мириад богов и последним родили любимого сына — Бога огня, от которого сожгла себе богиня родильное место.

И, сокрывшись в каменном гроте, сказала богиня: «О, милый муж мой, не смотри на меня семь дней и семь ночей». Но не исполнилось еще семи дней, когда взяло сомнение бога, почему сокрылась богиня, и посмотрел он и увидел — родила богиня Огонь [11] и сожгла себе родильное место.

Тогда сказала богиня: «О, милый муж мой! Я просила — не смотри на меня, но ты не внял словам моим».

И сказала: «Да владеет милый муж мой Надземным Царством, я же буду править Царством Подземным» — и сокрылась в каменный грот. И когда достигла горы Иомицу-хираосака, то подумала: «Я оставила в Надземном Царстве, котором правит милый муж мой, рожденного мною злосердого сына».

И возвратилась богиня вспять и снова родила детей — и родила четверых детей, Бога Воды, Черпак, Речную Тину и Богиню Горной Глины и оставила им завет: «Если этот мой злосердый сын распалится сердцем своим, то, Бог Воды, возьми Черпак, и ты, Богиня Горной Глины, возьми Речную Тину, и укротите его».

Так, по завету сему, возносим мы моление, да не распалится он сердцем своим во дворце Царственного Потомка Неба, и за то приносим здесь дары. Вот ткани светлые и ткани яркие, ткани мягкие и ткани грубые — всего пяти цветов; и от твари, живущей в синем море — рыба крупная и рыба мелкая; водоросли из пучин морских и водоросль прибрежная; вот священные сосуды высокие, полные вином, и рис обрушенный и не обрушенный, всего наложено здесь горою высокою.

И так словами Небесного *Норито* — Великого *Норито* молим мы: Аминь!

Перевод М.П. Григорьева
14/I — 1931

Примечания публикатора

[1] Принятая в настоящее время и, скорее всего, более корректная транскрипция названия текста: «Izumo-**no** kuni-no miyatsuko-no **kamu** yogoto».

[2] «Накурил вина» — это выражение в рукописи обведено. «Курить вино» — славянизм, некогда означавший «зажигать», «дымить», а поскольку вино у славян изготовлялось путем перегонки, существовало выражение «курить вино» и название профессии — «винокур». Здесь и далее вопросы и подчеркивания, видимо, принадлежат А.А. Вановскому.

[3] Фрагмент про Оонамоти-но микото в рукописи отчеркнут на полях слева, к нему поставлен знак вопроса.

[4] Начиная со слов «боги Таками-мусуби», отчеркнуты полторы страницы, напротив строк о «говорящих» скалах, пнях деревьев и пене синей воды поставлен знак NB (“nota bene”, отмечающий особую важность фрагмента); двумя чертами на полях отчеркнут фрагмент и имя божества Адзисуки-Такахиконэ-но-микото. Подчеркнуто также выражение «в храме Аони Кидзуки». Возможно, здесь имеется в виду святилище не Аони, а Яони Кидзуки-но мия (八百丹杵築宮) (предположительно, прообраз современного святилища Идзумо-тайся), где выражение *яони* играет роль постоянного эпитета *макура-котоба* и означает что-то вроде «много (восемь сотен) красной глины».

[5] В этом тексте красным карандашом подчеркнуты следующие группы слов: «Прародители Императоров», «чтобы рассеять и покорить буйных», «но он не вернулся с ответом», «Такэ-микума, но и он не вернулся с ответом».

[6] Весь этот абзац отчеркнут, на полях синим карандашом изображен знак NB.

[7] Слова «без буйства и разбоя исправьте в корне буйное сердце свое, оставьте землю сию» отчеркнуты красным.

[8] Отчеркнуты слова «и не преследуйте несчастьями и не учиняете буйств, но удалитесь в землю просторную и чистую».

[9] Слова «Прародители Императоров, сущие» отчеркнуты красным карандашом.

[10] Слова «Страной спокойствия» отчеркнуты красным, на полях слева синим карандашом NB.

[11] Слова «сокрывшись в каменном гроте» и «увидел — родила богиня Огонь» также отчеркнуты красным.

Публикация и примечания Л.М. Ермаковой

History and Culture of Japan. 19th — 20th Centuries: New Studies of Russian Scholars / Scientific editors N. N. Trubnikova, M. S. Kolyada; Compiler and Executive editor A. N. Meshcheryakov ; HSE University, Institute for Oriental and Classical Studies. — Moscow : HSE Publishing House, 2025. — 440 pp. — 600 copies. — (Orientalia et Classica Series. XII (LXXXIII) / Editor-in-chief I. S. Smirnov). — ISBN 978-5-7598-4118-0 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-4245-3 (e-book).

The 17th issue of "History and Culture of Japan" includes works by leading contemporary Russian Japanologists and young scientists on the history and culture of Japan from the mid-19th century to the present day. The scientific community is presented with new materials from Russian and foreign archives, translations of sources, studies of a number of texts of Japanese philosophy, literature, and art. Several examples are used to examine the connections between Japanese culture and the cultures of Russia, Asian countries, Europe, and the United States.

The book is intended for all those interested in Japanese history and culture.